

Я. И. Пилипенко

Навстречу звезде

16+

Ярослав Игоревич Пилипенко

Навстречу звезде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54979129

SelfPub; 2020

Аннотация

В мире, где радужная плёнка затхлой воды является отражением любого человека, Винсент, давно потерявший жизненные ориентиры и озлобленный на весь мир, гонимый ночными кошмарами, спутанными с реальностью, бежит от всего или к себе. Что, в конечном счёте, и не важно.

Содержание

Глава I	4
День первый, 19 августа	4
День второй, 20 августа	13
День третий, 21 августа	21
День четвертый, 22 августа	25
День пятый, 23 августа	31
День шестой, 24 августа	37
День седьмой, 25 августа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава I

Есть два вида одиночества. Для одного одиночество – это бегство больного, для другого – бегство от больных.

Ф. Ницше

День первый, 19 августа

Метро. Очередной раз это метро. Полёт железного червя по кишкам пёстрога, как лицо старой проститутки, города. Серые, мёртвые лица людей, начинающих ежедневный забег на пути к целям, которые заставляют бежать ещё быстрее. К должностям, на которых надо нести большую ответственность и выполнять ещё больше работы. И всё, чтобы получить больше денег и удовлетворить потребности, причём даже не живота, а призрачные, не ясно, как возникшие, но такие невероятно жалящие взглядами общества потребности. Купить машину, квартиру, дорогой костюм, обвешаться украшениями, содержать жену и пару любовниц или мужа и любовников, или в любой другой комбинации. Это не важно, всё равно ничем из этого ты толком пользоваться не будешь, тебе просто будет некогда, тебе надо зарабатывать на следующее «благо». Но не дай бог у тебя чего-нибудь нет, те-

бя уничтожат взглядом окружающие серомордые. Будут обходить стороной как прокажённого. Ты не смог. Не добился. Слишком ленив и флегматичен для этого мира – вот что ты видишь в их выцветших от усталости и рутины глазах. А если ты говоришь, что тебе это не нужно – то всё ещё проще – ты сумасшедший или не созрел.

Запахи парфюма, сырости, перегара и стресса. Змеиный шёпот, мелькающие огни, сигналы телефонов, звонкая болтовня какой-то нимфетки. Когда же вы все сдохнете?! Или я. Без разницы. Лишь бы не видеть, не слышать, не быть...

Моя станция. И потекли потоки биомассы в погоне за счастьем. Хорошо, что работа недалеко, буквально в пятидесяти метрах от выхода из чистилища.

– Привет, Винс. Как дела? Что вечером будешь делать? Может, вспомним старое?..

«Уж точно не с тобой. Лучше, закрывшись в своей конуре, одному напиться».

– Давай до вечера отложим это решение, ещё весь рабочий день впереди.

– Номер знаешь, я всегда на связи.

Работа в газетном киоске всегда мне нравилась. Не мизерная зарплата, а именно работа. Нравилось вдыхать каждое утро запах свежей прессы, нравилось быть в курсе всех новостей мира, да много чего нравилось... Даже, а может, и главное – нравилось наблюдать за людьми, снующими из метро и в него. Моё рабочее место как огромный челове-

ский глаз, а люди как муравьи, бегущие к своим муравейникам и из них.

Работал я тут давно, уже лет пять. Устроился, как только выгнали из университета за прогулы. Преподаватели хвалили меня, я умён, но любил погулять и выпить, конечно, в учебное время тоже. И всё бы ничего, но сменили декана, и новому, как водится, необходимо было устроить перемены, провести ревизию, революцию... мать его. Вот и устроили проверку посещаемости, поотчисляли «бродяг».

Ларёк был маленьким, тесным. Белая краска, которой его когда-то покрасили, местами облезла, оголив ржавое тело будки. По соседству стоял ларёк с едой и напитками. В нём работал Большой Патрик. Большим его называли шутя, он был почти карлик. Маленький Большой Патрик с толстыми линзами очков и засаленными чёрными волосами. В потёртых джинсах и старомодном свитере, пахнущем нафталином и дешёвым табаком. С разбитой жизнью, но не раздавленным эго.

Патрик вечно болтал, и порой появлялось впечатление, что говорит он с момента пробуждения и до того, как провалиться в сон. Говорил он быстро, я даже не всегда успевал понимать, о чём. Всегда удивляли такие люди. Я не знаю, когда они думают, если всё время болтают, и, как правило, болтают о пустом. О политике, на которую никак не влияют. О знаменитостях, которых никогда не увидят и чья жизнь не влияет на них. О диетах, о балетах, о шекспировских сонетах.

тах. В общем – громкие, пустые люди.

День как день. Это всё, что можно было бы сказать об очередном пролетающем мимо меня времени. Ничего особенного. Всё то же беспорядочное чтение журналов и газет. Вялые продажи безликим людям макулатуры. Единственное, что отличало этот день, – я решил вести дневник. Когда-то в университете преподаватель истории рекомендовал всем вести дневник для самоанализа. Эта его идея была интересной, я даже потратил пару минут на начало своего дневника, но запал быстро пропал. В этот день я решил начать вести дневник из-за непреодолимого желания проораться, поделиться накипевшим. У меня нет близких людей и желания их занять. Я целые дни проводил с горами напечатанных текстов и решил делиться своей жизнью с листами бумаги. Я не писатель и требовать от своего текста удобоваримости не стану, да и перечитывать не собираюсь, это лишь взгляд маленького человека на прессом давящий на сознание окружающий свинцовый мир.

Приятной неожиданностью оказалось то, что ведение дневника позволяло рабочему времени идти быстрее и мне лишний раз не приходилось сидеть и разглядывать лица спящих прохожих сквозь грязное стекло ларька.

Так, за размышлениями над дневником и прочтением пары статей из журнала о дикой природе прошёл этот рабочий день. Я бы и не узнал, что уже пора домой, если бы не Патрик, отвлекший меня от чтения, притворившись покупате-

лем и спросив журнал с выдуманым, невероятно пошлым названием «Мохнатое ущелье 21».

Он, как я и ожидал, прибежал в одну минуту восьмого, чтобы утащить меня в наш «штаб» пить пиво. Уже не интересуясь моим желанием. Отпираться было бессмысленно, да и лень. Штабом Патрик по-детски называл здание больницы, которое пытались возвести неподалёку много лет назад, но инвестора посадили, нового не нашли, и на снос денег никто не выделял.

По пути в недостроенное здание мы взяли по несколько бутылок дешёвого крепкого пива и трупики иссушенных рыб, бережно завёрнутые в целлофан. В отличие от дешёвого светлого, крепкое обладало хотя бы каким-то пивным привкусом. Светлое же было похоже на газированное подсолнечное масло, разбавленное водой с добавлением соли и лимонной кислоты. А на напитки приятней у нас не было денег. Через несколько минут мы на месте.

Нестроенное здание детской больницы заросло травой и кустарником, располагалось оно за крупным торговым центром. Не было огорожено и не охранялось. Днём дети здесь играли в войну, ночью собиралась и пьянствовала молодёжь. Мы с Патриком много раз были здесь, мне нравилось это место своей уединённостью, а ему схожестью с постапокалиптическими локациями из компьютерных игр. Пройдя вглубь ветшающего здания, преодолев баррикады из мусора и лужи испражнений, мы остановились у окна, закрытого снаружи

от нежелательных глаз порослью клёна и тополя. Беседа как всегда родилась из разговора о том, как прошёл день. Патрик рассказывал о просроченных сосисках, которые он сегодня продавал в хот-догах. Он сам их подменил, купив в социальном магазине и забрав себе свежие. Рассказывал о красотках-студентках, которые хихикали сегодня над его шутками. И о мужчине в голубом костюме-тройке, отказавшемся от сдачи, в 3 раза превышающей сумму заказа. Я запивал всю эту дешёвую информацию таким же пивом и заедал такой же вонючей рыбой. Спросив меня о моих делах, он услышал рассказ о невероятном, на мой взгляд, чуде. О том, что где-то в северных морях учёные обнаружили вид бессмертных медуз. Это же колоссально, существование бессмертия само по себе. Эти медузы не то чтобы были неуязвимы и в простецком понимании бессмертны. Они, попадая в неблагоприятные условия, заболевая или получая травму, просто перерождались из собственной ткани. Вечное цикличное существование. Невероятное чудо. Мой рассказ подействовал на него, так же как и его истории действовали на меня. Мы допили, и удовлетворённые пустой беседой, решили идти по домам.

Возвращаться домой на метро было ещё омерзительнее, чем ехать на работу. Теперь вонь подземки смешалась с моей собственной вонью из смеси рыбы и пива. Выбравшись на воздух, уже еле сдерживая рвотные позывы, я вдруг отрезвел из-за представшей перед глазами картины.

У обочины в пыли, прикрытый упаковкой от разрекламированного по всем TV-каналам шоколада с невероятно нежным вкусом, который позволяет почувствовать непередаваемые ощущения, и как праздничный колпак надетым на голову стаканчиком из-под кофе, лежал раздавленный котёнок. Рыжая шерсть стала серой, налипшая на неё жвачка... Кровь изо рта и левой глазницы, неестественно выгнутый позвоночник. Повседневный триумф человека над природой. Громогласный крик о бесконечном безумии своей погони за всевластием. И так каждый, в ежедневном стремлении уснуть чуточку значимее, сделать хоть шажочек к тому, чтоб подчинённых стало больше, а вождей меньше. Своеобразная, жутко пахнувшая своей глупостью игра в царя горы. Где гора – это точка на горизонтали, и надо забраться вертикально вверх как можно выше. И вот ползут по головам, по телам, по стонущим и сдавшимся в сладостную высь. Повыше от чадающих гниющих тел, как можно дальше от вида собственной жестокости. И, о боги! Ура! Добрался! Цель достигнута! Выше всех! Самый главный! Но вся вонь поднимается вверх, а борьба была жестокой, а конкурентов так много, что до горизонта лишь тела тех, кто не смог, и смрад.

С этими мрачными мыслями я прошёл под серой аркой в свой двор, заключённый в такие же серые, выщербленные временем муравейники многоэтажных зданий. В центре двора красовалась давно заржавевшая и поломанная детская игровая площадка, обещающая детям, выросшим в таком рай-

оне, такую же искорёженную жизнь. Моя квартира была на первом этаже одного из этих муравейников. Однокомнатная малосемейка – угол, где я прятался от опротивевшей мне жизни в давно прогнившем обществе.

Всегда, заходя в подъезд дома, я испытывал напряжение и старался поскорей зайти в квартиру. Мне очень не хотелось встречаться с соседями, любезно здороваться с этими незнакомыми людьми. Квартира была такой маленькой, что из прихожей просматривался дальний угол комнаты, и лишь кухня скрывалась за стенами ванной с туалетом. Дощатые крашенные полы скрипели, обои выцвели там, где на них падал дневной свет, в люстре горела лишь одна лампочка из возможных трёх. Но всё это меня устраивало, это была моя пещера, и скрип досок даже придавал какой-то уют и дополненность всему этому логову.

Каждый вечер я слушал матерные вопли соседей сверху, прерывающиеся грохочущей музыкой с такими же нечленораздельными воплями в качестве текста. Улыбаясь при встрече, демонстрируя своё прекрасное воспитание, по вечерам они выписывали такие замысловатые нецензурные обороты в истошных криках, что разгадать значение некоторых фраз для меня было невозможным. Через стены своей квартиры я слышал орущие телевизионные политические дебаты вперемишку с воплями рекламы, которые руководили соседским сознанием и так же сознаниями миллионов внемлющих. Каждый день эти напоказ воспитанные при встре-

че люди в своих квартирах на полную громкость врубали мешающие спать и есть, заполняющие собой сознание, навязчивые трели. Чтобы не дай бог не дать возможность родиться собственной мысли. До горечи смешно слышать из рупора телевидения о проблемах со свободой выбора в каком-нибудь отдалённом регионе и необходимости это пресечь, вперемешку с задорными криками рекламного ролика «купи или стань несчастным». Так и навевает стихи какого-то поэта:

...Всё просто – всё обман.
И солнца луч,
И неба цвет,
И утренний туман...

Наконец заснул под очередные разборки соседей, кто кому изменяет и кому сколько денег на личные нужды из нищего семейного бюджета положено. Сон был мутный как плевок курильщика, наполненный неясными всхлипами, стонами, тревогой и жадой из-за дешёвого пива.

День второй, 20 августа

Сквозь забрала опущенных век, в тонкую щель еле увидел орущий на меня будильник. Лёгкое головокружение и тошнота от вкуса во рту заставили всё-таки шатаясь идти на кухню. Мыльно-рыльные процедуры совместно с крепким чёрным кофе слепили из газообразного меня нечто человекоподобное, и я вышел в этот манящий запахами автомобильных выхлопов мир.

В похмельной голове по дороге в подземку были мысли о вчерашних соседских криках на ночь. Мужчина кричал на женщину, обвиняя её в измене. Приводил доводы в виде переписки мнимых любовников, задержек жены на работе, её новых дорогих духов. Женщина агрессивно всё опровергала, упрекая мужчину в недоверии, которое её оскорбляет. Не дослушать эту перебранку мне помог сон. Обычно всё заканчивалось слезами женщины и пасующим мужчиной, семейная жизнь продолжалась. То ли женщина была такой хитрой предательницей, то ли мужчина таким отходчивым, а может, это такая сериальная любовь с жаркими скандалами и бурей страсти.

Мои мутные мысли одинокого мужчины увели меня далеко от скандала соседей вместе с летящим вагоном поезда в дебри сути измен.

Архетипически измена с контрацепцией не может счи-

таться изменой, потому что биологический материал любовников не смешивается, основная цель полового акта не может быть достигнута. И получается, что защищённый секс не измена вовсе, а удовольствие ради удовольствия. Как десерт на полный желудок, как аттракцион в парке. Бессмысленно, но приятно. Но это лишь с позиции биологической, без социальных аспектов.

Измена – безусловное предательство, если изменяющий обещал этого не делать. Дал клятву при венчании или при регистрации брака, или в бытовом диалоге. А если нет? То и измены быть не может. Ведь если один человек обвиняет другого в измене, которая не была оговорена ранее как недопустимое действие, то он, по сути, обвиняет партнера в том, что тот предал не свои идеалы, мысли, ожидания, а пострадавшего. Получается, что изменник повинен в том, что не предугадал мнение любимого человека, виноват в том, что он другой. Но мы ведь все разные.

Наверное, плюс ко всему, измена или нет – зависит от качества любви, её взаимности и её питания. Любовь, рождённая из страсти и живущая за счёт плотских утех, – изменой для неё будет спонтанный секс, жаркое соитие тел. Для любви, питающейся желанием создать семью и детей, изменой будут регулярные долговременные отношения на стороне, с иллюзией второй семьи. Любовь, рождённая из сродства душ, не потерпит шёпота сакральных разговоров и нежных поцелуев под звёздами. Невзаимная же любовь не жиз-

неспособна, и измен в ней быть не может, она неполноценна.

Из-за подземного полумрака на поверхности казалось светлее, чем обычно. Несмотря на смог и пасмурную погоду, где-то в высоте угадывалось солнце.

Лёгкий ветерок уносил обрывки бумаги и пластиковый пакет вдоль по улице. Грязная ворона гналась за ним... Толчок в плечо чуть не свалил меня с ног. Обернувшись, я увидел огромную спину мужчины в чёрной кожаной куртке, с гориллой, откусывающей блин от штанги, и в обтягивающих накачанные ноги спортивных штанах. Он даже не обернулся, как будто и не заметил, что чуть не снёс меня. Я выругался про себя. Не удивился бы, увидев, что у этого мужика такая же обезьянья морда, что и на куртке. Забравшись в свой ларёк, я ещё долго не мог отойти от негодования. Поясницу немного тянуло от толчка, и это не давало мне забыть тяжеловеса. Я высматривал в прохожих подобных атлетов, чтоб убедиться, что не ошибаюсь по поводу их звериных лиц. Далеко не все бодибилдеры, естественно, подобны тому, что толкнул меня. Я даже уверен, что большинство из них – хорошие ребята. Скорее всего, тип, которого я встретил, и такие, как он, – совокупность комплексов, невоспитанности и огромного тела, дающего им хоть какую-то уверенность в себе. Неудачный биоментальный сплав, брак в общественном строе.

И вот среди прохожих идёт горилла того же типа. Руки в окружности как у меня ноги, отсутствие шеи, шире трёх

средних людей. Лицо угрюмое, взгляд, исподлобья метающий молоты во всех, кто проходит мимо. Такое впечатление, что воин идёт врукопашную на врага или wrestler поднимается на ринг под шквал аплодисментов. Для кого весь этот фарс? Для чего все эти мышцы?

Само по себе наслаждение от физических нагрузок ненормально. Получать моральное, а может, частично и физическое удовлетворение от ощущения боли после тренировки, осознавая, что эта боль свидетельствует о вероятном приросте мышечной массы, а, следовательно, приближает к идеалу данного времени, – абсурд. Всё равно, что получать удовольствие от ожога о горячую сковороду при наличии желания хорошо прожаренного куска мяса. Или ломать себе кости, ведь они станут прочнее в месте перелома. Истинно более честное удовольствие – съесть кусок мяса и запить большим глотком пива, нежели извращённо улыбаться, стиснув челюсти от боли, поигрывая намеренно порванными мышцами перед зеркалом. Что-то садогомоячное есть во всём этом. Я всеми руками за испытание большинства удовольствий, доступных человеку, и этого сомнительного удовольствия тоже, но оно одно из самых странных. Удовольствие от телесного страдания... Если отбросить всю шелуху, то это почти самобичевание, только в угоду моде, а не богу. Вериги одним, штангу другим... Прости меня, Господи, что-то я далеко ушёл...

И в целом красота, полученная через боли и страдания,

наполненные удовольствием от этих страданий, – какое-то самоудовлетворение в ежовых рукавицах. Хочешь удовольствия – получай его в чистом виде, встречай рассветы, провожай закаты. Не по тебе? Кури, бухай, люби. Хочешь проверить свой организм и не можешь без физического экстрима, взберись на Эверест, переплыви Ла-Манш. Речку у бабушки, на холм в соседнем лесу... Красота тела не должна быть целью, она должна быть следствием образа жизни. Либо его безобразие также... В конечном счёте, тело никогда не цель, а лишь средство.

– Ты чего не здороваешься? Я вчера такую штуку покурил... огонь! До утра по закоулкам сознания бродил, – прервал мои критичные мысли Патрик, даже не дожидаясь моего ответа. – Звёзды вокруг, голос, хоть и укоряющий, но почему-то очень приятный. У меня ещё осталось, хочешь?

– У тебя покупатели... – прервал я восторженный монолог и кивнул в сторону его рабочего места, где уже собралось три человека, не успевшие позавтракать нормальной едой.

Он взглянул на меня всё ещё восторженными от наркотических галлюцинаций глазами и бодро ушёл. Я остался наедине со своей любимой макулатурой. Под руки попался пёстрый жёлто-синий журнал естественнонаучной направленности. Листая его, я наткнулся на статью о современных тенденциях лёгкой промышленности. Основой статьи была реклама некоего технолога, разработавшего способ изготовления ткани из грибов. Одежда из грибов, как утверждалось,

похожа на дефицитную сейчас кожаную. Дышащая, водоотталкивающая, но тоньше и оттого легче. Всё хорошо, но интересно, кожаная одежда пахнет кожей, а грибная? Можно себе представить. Заходишь в вагон метро после дождя, а от тебя яркий грибной аромат. А из ядовитых грибов, интересно, делают одежду? Подошла бы людям, живущим за городом и боящимся собак. Собака, конечно, всё равно порвет, если захочет, но пострадавший будет чувствовать вместе с болью частичное удовлетворение, мечь с каждым укусом, за каждый укус... Раньше уже делали обувь из рыбьей кожи, пытались прясть нитки и получать ткань из паутины. Но всё получалось очень дорого. Из рыбьей кожи можно и сейчас найти ботинки в элитных магазинах. Возможно, со временем эта обувь станет доступней. Рыбу всё меньше едят из-за отравленных водоёмов, она полна тяжёлых металлов и прочей дряни. Интересно, что синтетическая мода более динамично развивается, но, несмотря на всё её разнообразие, одежда и обувь из природных материалов всегда вызывают интерес и спрос, а пиджак из переработанных пластиковых бутылок – лишь отвращение. Как бы экологично это ни было.

За чтением этого журнала и прошёл день. Отвлекаясь только на продажи, я пополнил библиотеку своих знаний ещё несколькими бесполезными фактами. День прошёл, и слава богу. Пора идти домой, пока Патрик не подкатил со своими бесполезными предложениями.

На всех столбах, стенах ларьков, выходах и входах в мет-

ро, остановках общественного транспорта лишайными корками болтались разноцветные рекламные плакаты. Приглашения на тренинги. Личностный рост, продажи, психология, пикап, жёсткие переговоры, лидерство, ораторское искусство, здоровый сон за час в день, суперзрение, суперпамять... Интересно представить себе человека, прошедшего все эти тренинги. Супермен современности. Только цель у всех тренингов какая-то не та. Не душевная. Safekeeping Super Skills Rainmaker – такое корявое, как и эти курсы, имя подошло бы этому супергерою. Алый, обтягивающий тело костюм, развевающийся плащ с золотой бахромой и скрещённые восходящий кривой линией тренд и кожаная плеть на груди под устрашающей аббревиатурой SSSR. Тренд как символ успеха в современном мире, а плеть как собирательный символ фаллоса, агрессивных методов действия и сексуальной извращённости. Только кого и от чего сможет спасти этот герой? На двери моего подъезда тоже была прилеплена реклама – «Курсы оболыщения для всех». Такая универсальность лишь добавляла уверенности в моральном разложении общества. Нет уже ни Марса, ни Венеры. Всё одна большая прожорливая чёрная дыра.

Набив желудок купленными по дороге бургерами с кофе и залив всё это порцией вонючей водки то ли для, то ли от нервов, завалился на кровать.

Так неестественно и опустошающе, но отчего-то приятно лежать после трудового дня, смотреть глупое шоу по телеви-

зору. И в то же время вращаться вместе с планетами вокруг звезды, которая плывёт в галактике, в космосе...

Уплывая вместе со звёздами от телеэкрана в царство Морфея, я забылся сном.

Тьма сна окутала меня. Я задыхался. Стоял во мраке и судорожно глотал горячий воздух. Вглядывался во тьму до боли в глазах, чувствовал, что в ней что-то есть.

День третий, 21 августа

Утро. Ужас. Как выключается этот будильник? Где ведро с кофе? Где носки? Измазал пол-лица зубной пастой, пока чистил зубы. Как хорошо, что на улице полумрак, как хорошо, что в метро сегодня так тесно и можно повиснуть между тёплыми, плотно прижатыми куртками. Наконец-то уютное рабочее, от всех закрытое место.

В моём ларьке было старое примитивное радио. Не включал его, наверное, год. Сегодня из-за плохого сна никак не мог проснуться, в глазах будто был песок, и вместо обычных журналов и газет решил послушать радиоприемник.

По радио вещал какой-то доморощенный философ. В его голосе слышался нездоровый восторг. Создавалось впечатление, что он в состоянии эйфории.

То ли его так возбуждали собственные мысли, то ли какие-то вещества. Наиболее запомнился мне один фрагмент его монолога:

«Однажды, а скорее всего, даже вдруг. Ты ловишь, а скорее даже в тебя вонзается переосмысление. И недолго, в мучениях, в тяжёлых ночных думах, а стрелой вонзается в висок новое видение всего окружающего. Как решение всех проблем, как избавление от всех жизненных вопросов и сброс с плеч всех камней, – понимание полнейшей и истиннейшей постоянной победы жизни над смертью. И не борь-

бы, не конкуренции, а постоянного, циклического доказательства бессмертия жизни, бессмертия самого великого и единственно-истинного чуда в мире нашего сознания.

Наблюдая за случайно сгорающими в языках пламени ко-стра, сплетёнными в стремлении продолжить свой род насекомыми... За пробивающими все преграды ростками бледно-зелёной зелени, выросшей на чьём-то прахе... За жирной, потной бабой, облизывающей свои пальцы после очередной порции... Ты видишь лишь многочисленные оттенки яркого света жизни, играющего в многогранности нашего мира.

Всё, что ты видишь, становится эмоционально узким, ёмким, единым. Ты видишь царство и царствование жизни во всём. И это прекрасно всегда.

Обрести ощущение всепреемственности царства жизни можно, лишь зародив-подарив-создав новую жизнь».

Мне бы его восторги и видение. Я вижу вокруг один зловонный тлен. Может, он глупец, а может, мудрец, а может, всё дело в том, что он принимает перед своими выступлениями. Как вечно весёлый Патрик со своими ежедневными пробами новых веществ, стимулирующих сознание.

Сменил радиоканал на новостной. В новостях, как всегда, где-то на юге ликвидировали повстанцев, борющихся за независимость и желающих вернуться к заветам предков. Где-то на севере шли демонстрации. Там требовали введения инноваций и внедрения новых технологий во все сферы

жизни и, главное, в правительство. Реорганизации на всех фронтах. Так и получается. Где-то тянут в будущее, где-то в прошлое, а в итоге всё стоим в настоящем. И видим хорошую жизнь либо впереди, либо позади, но не здесь.

Время из-за нехватки сна тянулось невероятно долго. Время. Бесформенное бесконечное для самого себя, но конечное для всего остального.

В газете с криминальной сводкой как всегда море крови политики и горя. Душераздирающие истории конца времени для многих людей. Отец вёз сына от бабушки в день его рождения. Дома уже накрыт праздничный стол, развешаны украшения, приглашены гости. И на полпути время у отца с сыном кончилось в искорёженной машине. А через несколько часов, за минуты до прихода гостей, оно кончилось и для оповещённой патрульными матери. Кончилось привязанной к крюку люстры бельевой верёвкой. Когда читаешь такое, хочется, чтобы время можно было повернуть вспять, но нельзя съесть салат, а потом его приготовить.

День, наконец, закончился, и надо было плестись домой, в страхе ожидая новый кошмар.

Разобравшись с домашними делами и набив желудок консервированными радостями низшего класса, я как обычно повалился на кровать. Под бубнение новостного канала я быстро уснул, замотавшись в одеяло как в кокон. Во сне я слышал монотонный голос, грубо скрежещущий на каком-то языке одну и ту же фразу. Как только я его услышал, моя

грудная клетка начала сдавливаться, будто одеяло душило меня. Лёгкие горели. Меня словно топили в пламени костра. Голос становился всё громче, а дышать было всё больней. Теряя сознание во сне, от боли я очнулся на своей кровати, вздрогнув, и замотанный в одеяло упал на пол, больно ударившись виском.

День четвертый, 22 августа

Утром полностью отдался во власть выработанному годами алгоритму действий, некоему автопилоту. В голове гудело от бессонницы и синяка на виске. Понял, что уже на улице и направляюсь в первый круг ада, под землю, только по бодрящим каплям холодного дождя, врезающимся в лицо. На работе упал в кресло и, обняв себя руками, на мгновение уснул. Но тут же разбудил настойчивый стук в окошечко. Какой-то небритый высокий мужчина в полицейской форме требовал продать ему журнал об истории искусств. Тоже мне, искусствовед. Видимо, интересуется фресками пыток Помаранчо или кого-нибудь ещё, для выбивания признаний с особым изыском.

По радио еле слышно шли дебаты. Я прибавил громкость, чтоб хоть немного разогнать сон. В эфире была историко-политическая передача о теориях расцвета, падения и исчезновения цивилизаций. В частности, о событиях не так давно минувших. О Инферсинии. Я читал ряд статей в журналах о тех землях и событиях, которые превратили многие государства в пепел, а земли – в пустыни.

Эти проклятые человечеством земли находятся южнее 35-й широты и простираются до самого южного океана. Сложно даже представить, каким образом там могло выжить хоть одно существо. Но неоднократно я слышал о целых се-

мьях, приходящих оттуда и молящих об убежище в «живых» землях. Говорили, что кожа этих беженцев лохмотьями висела на открытых участках тела, в местах, где она уже отпала, оставались белые пятна. И кожа этих людей была похожа на коричнево-белый камуфляж.

Инферсиния, как говорят историки, некогда была вполне себе пригодна для жизни, там выращивали фрукты, добывали нефть и весьма неплохо жили. Но всё кануло в небытие. Точных причин никто уже не скажет. В некоторых научных изданиях пишут о ядерной войне, убившей всё живое и начатой по религиозным мотивам. Некоторые доказывают свою теорию о внезапном повышении солнечной инсоляции и выжигании флоры, иссушении водоёмов и естественном повышении радиационного фона. А есть и такие, которые всё объясняют весьма прозаично – деньгами. Попыткой передела природных ресурсов и власти в этих землях. На мой взгляд, всем этим знатокам истории стоило бы объединиться и создать единую теорию, в которой бы земли, обособленные не только политическими, но и религиозными границами, богатые стратегическими природными ресурсами, дурели от жары и социального неравенства. Начинались взаимные чистки всеми возможными способами, в том числе с использованием и всегда срабатывающих чисток по религиозным убеждениям. Причём в связи с тем, что религия одна, люди были вынуждены сегментировать её хоть как-то, хоть запятой в Священном писании, хоть различной

трактовкой этой запятой в разных общинах по сути единого общества. И тут в игру вступают деньги иных обществ и их лидеров. А точнее, деньги обществ вступают в смертельную игру по единоличному решению об этом лидеров этих обществ. Снабжение оружием и тех, и других воюющих сторон, с надеждой на их взаимное уничтожение и лёгкое занятие пропитанных кровью земель. Но, видимо, что-то пошло не так, видимо, не было расчёта на то, что не все представители умерщвляемого общества готовы взять оружие в руки. И этот просчёт вполне объясним. Ведь одно племя всегда видит в другом беспринципных, диких, кровожадных варваров. Готовых пожирать плоть павших и бездумно нестись в бой на любого, названного врагом. И все эти несогласные с войной и жаждущие мира люди наверняка бросились врассыпную от выстрелов и взрывов. Вот тут-то и пришлось использовать ядерное оружие. Как дихлофос против разбегающихся насекомых, гигантский огненный тапок, размазавший всех и вся по ранее цветущим землям.

Что-то подобное, наверное, получилось бы у всех этих историков. И главное, что никто, как и принято, в ситуациях с геноцидом не виноват. Ведь сейчас все мы живём под одним флагом, а значит, нет врага, и обвинить во всех грехах некого.

Всё началось из-за одурманивающей жары.

Сейчас войн не происходит. Все подвластны одним правителям. Но противники, жаждущие власти, естественно, есть

и у них. Но война с оппозицией менее заметна, но более отвратительна. Оппозиция устраивает и спонсирует антиправительственные митинги. Льёт грязь на правящую власть. Порой даже специально провоцирует институты власти угнетать и изолировать своих активистов, дабы представить их мучениками. И когда все эти действия выходят за рамки локальных, малозначительных... Когда к митингу вдруг подключаются сторонние граждане, подхваченные революционной волной и стадным чувством... Правительство достаёт из рукава самый грязный и дурно пахнущий козырь – терроризм. Терроризм сейчас, как и раньше, является очень популярным политическим инструментом. Но в прошлом его использовали для компрометации других стран, сообществ. А сейчас всё чаще это инструмент отката воздействия оппозиции на народ. Примерно каждые десять лет, плюс-минус три года, оппозиция набирает силы и выводит людей на площади, провоцирует коррупционные скандалы, вызывает недоверие к власти. И каждый раз спустя несколько дней или недель после масштабных митингов по стране проносится серия террористических актов. Как правило, обвиняют бродяг из Инферсинии или сошедших с ума оппозиционеров. Потом всё как по накатанной. Десятки арестов, разрушение якобы террористической ячейки, но никогда не полное уничтожение террора, мало ли что, вдруг ещё пригодятся... Сцены, трибуны, митинги во сплочение и единство народа. Для людей повнимательнее снимается масса фильмов про

правительственные заговоры. Чтобы любящий власть смотрел как на сказку, а видящий, как эта власть строится, считал, что все всё знают, и мысленно переложил ответственность на других и решив, что, значит, так и должно быть. Вот так террор и продолжает жить даже в самой любимой и родной стране.

С древних времен и по сей день лживые, извивающиеся как змеи правители льют нам в уши свой сладкий яд. Убаюкивают наше сознание, не давая открыть глаза. Первые правители открыто называли себя богами, окружив себя слугами-воинами и жрецами-факирами, внушающими страх силой или фокусами проявления божественной силы владыки. К настоящему времени власть ничуть не прогрессировала. Всё те же войны, внушающие страх народу, всё те же фокусы в виде агитационных патриотических лживых пропаганд сетью окутывают всю доступную людям информацию. И всё так же имеющие власть считают себя по отношению к простым людям богами. Боги, требующие жертвоприношения в виде налоговых сборов с верующих в непогрешимость их власти. А без жертвоприношения, как известно, дождь не пойдёт и солнце не встанет. А кто не уверует, того на дыбу, ибо вера должна объединять.

По дороге домой, неторопливо бредя по тротуару, увидел невысокого сутулого мужчину в коричневом старомодном плаще и круглых очках. Меня привлек не он, а его собака. Среднего размера пес с закрученным крючком хвостом

и песочного цвета шерстью двигался совсем не естественно. Его задняя часть тела была выше холки, оттого он всё время неуклюже заваливался на бок при беге. Присмотревшись, я заметил, что передние лапы собаки были вывернуты наизнанку, как у комедийного актёра из первых раритетных чёрно-белых фильмов. Это заставляло собаку ступать крестнакрест. Мужчина заметил мой интерес, быстро подозвал пса и, пристегнув поводок, поспешил в ближайший двор. Меня это удивило, ведь содержащие изувеченных животных люди чаще всего любят демонстрировать своё великодушие и безграничную любовь к братьям нашим меньшим. Интерес к собачнику исчез мгновенно. У меня не было сил думать о чём-то, кроме чашки горячего растворимого супа и тёплой постели.

Я смотрел телевизионные, идущие одна за другой передачи, пока не провалился в сон. Сон, которого боялся. Опять эти голоса. Опять жар, сжигающий меня изнутри. Горло резала несуществующая верёвка. Из кистей будто вырывали сухожилия. Агония сна тянулась, казалось, вечно. Я каким-то усилием воли выдернул себя из этого кошмара и резко встал с постели. В телевизоре гудело пёстрое табло прекращённой трансляции. Я спал полтора часа.

День пятый, 23 августа

Я чувствовал себя живым мертвецом, бредущим в пустом сером мире. Я выпил крепкий кофе дома, купил кофе в автомате перед входом в метро, купил кофе у Патрика возле своего ларька, не поняв ни слова из того, что он мне сказал. Сходил за сигаретами, растворимым кофе и энергетиком. Закурил, спрятавшись за ларьком. Насыпал кофе в энергетический напиток, меня облило пеной, но я выпил горькое зелье бодрости. С рвотными позывами и сумасшедшим сердцебиением пришла какая-никакая бодрость. Я сел в рабочее кресло, и запах газет сегодня был мне отвратителен. И одинокий луч солнца бесил меня тем, что выбрал стекло именно моего ларька и резал мне своими бликами глаза, казалось, выжигая мозг. Мне ничего не хотелось делать, даже подвинуть стул, чтобы солнце не светило на меня, было лень. Я достал дневник, но буквы не вырисовывались, ручка выпадала из рук. Очередной раз отвлекаясь на покупателя, я увидел её.

Она шла, задрав нос в самообожании так высоко, что казалось, не может видеть, что у неё под ногами. Её неестественно белёсые волосы локонами, похожими на змей, ложились на плечи, спину и падали на грудь. Неестественно огромные ресницы были густо накрашены чёрной тушью. Большая, еле скрытая в глубоком декольте грудь подпрыгивала в такт отчеканенной перед зеркалом модельной поход-

ке. Неестественно выпирающие ягодичы вторили этому танцу. Кожа на открытых участках тела была коричневого цвета, и явно не загорелая, а выкрашенной для полноценности образа. Её огромные нечеловеческие губы ритмично напрягались и расслаблялись вслед за челюстями, пережёвывающими жвачку. Вот он, гротескный образ современной «хищницы».

Женщины испокон века пытались привлечь и угодить противоположному полу. Как бы и что они ни говорили. Что красиво одеваются и красятся для себя, чтоб чувствовать себя увереннее. Это всё далеко от правды. Всё дело всегда было в мужчинах. Всё для них. Для того, чтобы получить защиту и всестороннюю опеку.

В древности женщина с длинными ногами была желанной не из эстетических соображений, а потому что имела больше шансов убежать в случае опасности и потому с большей вероятностью могла принести потомство и вырастить его. Длинные ресницы лучше защищали глаза от пыли и дождя, что позволяло вовремя заметить опасность и спастись. Сегодня же женщины красят ресницы и носят высоченные каблуки, называя это красивым, забывая, что всё это лишь для того, чтобы показать мужчине, что они наилучшим образом подходят для продолжения рода. Каблуки, кроме удлинения ног, ещё и визуально увеличивают и подчёркивают бёдра, что дополнительно стимулирует мужской интерес, ведь округлая форма бёдер – залог успешных родов. В Древнем

Китае женщины бинтовали ноги, тем самым уменьшая длину ступни, от чего таз испытывал постоянные нагрузки, бёдра и ягодицы отекали. Такие формы назывались мужчинами Китая «сладострастными». У женщин же такие операции с ногами вызывали гниение стоп, отмирание, проблемы с внутренними органами, не говоря уже о том, что они зачастую теряли возможность ходить.

Многие женщины готовы на всё ради выгодного защищённого брака и продолжения рода. Раньше это были порой достаточно грубые методы, такие как бинтование или корсет. Сейчас имплантаты и инъекции. При затягивании корсетов женщинам нередко ломали ребра, нарушали кровообращение во внутренних органах. Но это не для имитации худобы, а для подчёркивания груди и бёдер, для придания себе желанной формы песочных часов. При этом существовал ещё более радикальный метод приближения к этой форме – удаление нижней пары рёбер. Это часто приводило к занесению инфекции и смерти. Всё или ничего – удачный брак или смерть. Такое видение женской жизни бытовало с первых дней человечества и по сей день. Безусловно, далеко не все женщины так жаждут опеки, но такие и не издеваются над собой. По крайней мере, не так.

Даже красные оттенки помады и лака для ногтей выдают женщине её желание быть покорённой. Красные оттенки лака на ногтях подсознательно говорят мужчине, что женщина здорова, о хорошем насыщении крови гемоглобином. А на-

крашенные красной помадой губы имитируют, кроме этого, возбуждение.

Силиконовые монстры страдают на хирургических столах ради того, чтобы быть желанными. А кроме того, быть как можно ближе к классу лакшери. И никто почти не понимает этого слова, переводя его как роскошь. Жаждут они не роскоши, покоровшись мужчине. Жаждут они похоти и блуда. Luxuria – один из смертных грехов в христианстве. В современном мире этот грех стал ещё страшней. Женщины и мужчины с наслаждением погружаются в блуд. Красятся, загорают, меняют своё тело в угоду моде, чтобы как можно дороже продать себя. Блуд сливается с алчностью. В случае успеха и достижения роскошной жизни к ним прирастает гордыня и честолюбие. А когда хищного грешника постигает неудача, его алчность и блуд срastaются с завистью. И все эти падшие люди страдают. Горят в аду собственных грехов. Они уже не люди и не животные. Животные не доходят до разврата в той степени, что человек. Человеку же можно называться человеком и существом высшим, если все стремления его направлены на преодоление себя, на создание сверхсебя.

Падшие же в блуде и закутанные, цепью скованные друг за другом грехи уже не могут думать ни о чём, кроме удовлетворения своих плотских утех, и постоянно жаждут нового греха. Больше оваций, больше страсти, больше золота. Как же мне отвратительны эти вечно текущие куда-то потоки биомассы.

Силиконовые женщины, жалующиеся на мужчин, не ценящих их душу. Женоподобные мужчины, на километры отравляющие всё самолюбованием. Мода на моральное и физическое уродство в каждом этом человеке цветёт и пахнет.

Неужели моя жизнь пройдёт в этом вечном негодовании и бессильном отторжении общества? Я вышел снова покурить, чтобы отвлечься от поглотивших меня мыслей. Выкурив две сигареты подряд, я закашлялся и выкинул пачку. Так можно и пристраститься к этой пагубной привычке.

Лучше всего в дни душевной слабости мне помогали простые монотонные дела. На рабочем месте это была бухгалтерия и уборка. Перекладывать с места на место стопки журналов и газет не имело большого смысла, как и вытирать пыль. Но это успокаивало.

По дороге домой решил устроить себе небольшой пир. Не веря в собственное предположение, думал, что это может помочь справиться с кошмарами. В кулинарии я абсолютный профан и потому купил в магазине уже готовый салат из свежих овощей, пасту с двумя разными соусами и бутылку апельсинового сока. На мой взгляд, это был почти эталон здорового ужина, несмотря на то, что уже много десятилетий все овощи и фрукты шли в продажу напичканными всевозможными химикатами.

Наевшись до отвала призрачно полезной едой, я, настроив себя исключительно на положительные мысли, рассла-

бился на кровати. И вскоре, уставший и сытый, уснул.

Гул плавно нарастал и перешёл в голоса. Голоса в унисон повторяли одно и то же. Я чувствовал движение вокруг, но не видел ничего. От этого становилось ещё страшнее. Тьма сна была ледяной, но в моих лёгких будто горело пламя, а шею стягивала петля. Плоть моих невидимых во тьме стоп рвалась с треском, будто её выдирали. От этой боли я очнулся в поту в своей квартире посреди ночи и больше не смог заставить себя даже прилечь на кровать. Сидел в состоянии протрации, уставившись в экран телевизора до самого утра. И ничего не чувствовал. Ни страха, ни злости, ни жалости к себе. У меня не было на это сил.

День шестой, 24 августа

Я не помню дороги на работу. Моё тело выполняло ежедневные действия на автопилоте. Не знаю, завтракал ли я. Не знаю, закрыл ли входную дверь. Ночевал ли я дома вообще или всё это время был в протёртом рабочем кресле?

Проваливаясь на работе в сон, видел пульсирующую зацикленную картину. Я шатаюсь пытаюсь поднять голову, чтоб увидеть своё лицо в зеркале, и, когда мне это удавалось, из моего отражения на меня бросался я сам. Вместо лица у отражения был череп в лохмотьях гнилой плоти с широко открытым ртом и червями из глазниц и носа. Я чувствовал, что схожу с ума. Надо было что-то делать. Я начал рыться в журналах, надеясь найти статьи о борьбе с бессонницей или кошмарами.

Во всех найденных статьях одно и то же. Нужно больше гулять, избавиться от вредных привычек, побеспокоиться об удобном спальном месте. Если же всё это не поможет, обратиться к врачу. Но нет больше сил на прогулки, и нет вредных привычек. А пойти к врачу – значит выписать себе билет в психиатрическую лечебницу, там и сгнить. С красочностью и извращённой реалистичностью моих кошмаров меня будут препарировать как лягушку на студенческом практикуме по биологии. Будут пытаться найти причины и связи, копаться в моём грязном белье, не пытаюсь вылечить, а ради науки.

Ради защиты диссертации или из банального любопытства. Еженедельно я вижу в свежих газетах колонки о том, как люди умирают, обратившись к врачам с банальной простудой. Мне нужен другой выход.

Я вспомнил, что Патрик частенько рассказывал о том, что вращается в кругах, где наркотики – само собой разумеющаяся часть досуга. И не раздумывая пошёл к нему.

– Слушай, Патрик...

– Во-первых, привет. Что с тобой? Ты не на героине случайно? Белый как новый унитаз, – ухмыляясь спросил болтливый друг.

– Да заткнись ты! Слушай!

Патрик вышел из ларька с озабоченным лицом и подошёл вплотную ко мне.

– Что случилось?

– Мне нужно что-нибудь для сна. Сильное. Понимаешь?

– А ты пробовал традиционные методы?

– Не нужны мне традиционные – срываясь на крик, продолжал я.

Он взял меня под руку и завёл за ларек.

– Да тише ты, тише. Объясни проблему, и я подберу решение. Только не вопи.

– Я не спал так давно, что уже и не помню, как всё началось. Мне нужно что-то, чтобы спать. Спать без снов. Понимаешь? Спать как убитый, – мои глаза наполнились слезами.

– Тише, тише. Я понял – «как убитый». Убиться тебе на-

до. Как решу вопрос, подойду к тебе. А сейчас иди, не распу- гивай клиентов. – С небывалой ранее заботой в голосе под- толкнул меня в сторону моего ларька Патрик и, с подозре- нием глядя на меня, ушёл к себе.

Пошатываясь от усталости и бессонницы, я брел домой, не замечая ничего на своём пути. Я не чувствовал ни голода, ни холодного ветра, от которого прохожие пытались закрыть- ся, поднимая воротники и прячась за рекламными стендами. Вдруг в моё плечо врезался человек в коричневом плаще. Я узнал его, а он, похоже, узнал меня. Его ледяной взгляд вонзился в меня с какой-то смесью злобы и страха. От всего его образа веяло могильным холодом. Его змеиный немига- ющий взгляд задержался на мне лишь секунду, но запомнил- ся мне надолго. Я почувствовал идущий от него странный запах. Одновременно пахло хлором и йодом. С ним снова на поводке была собака. На этот раз коренастый чёрный пёс. Он хромал на левую переднюю лапу. На ней не было пальцев, в то время как на правой их было явно больше, чем долж- но быть. Я не успел извиниться, мужчина молча и быстро прошагал во дворы соседнего квартала. От его взгляда ме- ня морозило до самой квартиры. Дома силой заставил себя съесть несколько бутербродов, запил чаем и без сил упал на кровать.

На этот раз я проснулся незадолго до рассвета, видимо, организм был настолько истощён, что уже не мог терпеть мои кошмары и всячески старался избегать снов. Тем не менее,

мои сны становились всё ужаснее, образы всё чётче. Я уже забыл, когда нормально спал и когда нормально себя чувствовал днём. Головокружение стало нормой, как и красные от лопнувших капилляров склеры. Я слышал мужские голоса, кажется, даже после пробуждения. Они повторяли и повторяли один и тот же непонятный мне набор слов, от которого меня бросало в дрожь. На поверхности ступней и внешней стороне ладоней появились какие-то красные пятна. Они были именно в тех местах, где во снах рвалось моё тело. Я так больше не мог.

День седьмой, 25 августа

Моя жизнь стала адом. Зацикленное хождение по мукам. Кошмары снов, кошмары грязных городских улиц, кошмар ненавистной работы и так по кругу. Каждый новый день повторял предыдущий.

День был настолько пасмурным, что мало отличался от ночи. Завывание ветра в водосточных трубах погребальной песней разносилось по улицам города. Я вышел из дома на час раньше обычного, повинуясь рекомендациям журнальных статей. Намеревался пройтись до следующей станции метро пешком. Ссутулившись от истощения и ледяного ветра, я плёлся по заплёванному влажному асфальту, в который была закатана некогда плодородная почва Земли. За весь путь до подземки я не встретил ни одного улыбчивого лица. Все были погружены в чистилище своих мыслей. Только пара мальчишек звонко смеялась, бросая друг в друга испачканный в луже мяч. Они ещё не были испорчены системой, но уже играли в очень системную игру, пытались замарать в грязи оппонента, дабы продемонстрировать собственное превосходство. Ветер рвал их смех в клочья и растворял в сером бытии дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.